

УДК 355.40(092)(47+57)
ББК 63.3(2)62-8
С79

Степаков, Виктор.

С79 Генерал Абакумов: Нарком СМЕРШа / Виктор Степаков. — Москва : Алгоритм, 2015. — 304 с. — (Гроссмейстеры тайной войны).

ISBN 978-5-4438-1047-8

Виктор Абакумов — министр государственной безопасности сталинской эпохи. Он был одним из самых могущественных и загадочных руководителей того времени. Сегодня существуют два диаметрально противоположных образа Абакумова: одни считают его палачом и инициатором массовых политических репрессий, другие — честным, принципиальным и талантливым представителем отечественных спецслужб.

Автор, специалист по истории спецслужб, опираясь на многочисленные архивные материалы, пытается опровергнуть все мифы и легенды об Абакумове и воссоздать подлинный образ этого поистине незаурядного человека.

УДК 355.40(092)(47+57)
ББК 63.3(2)62-8

ISBN 978-5-4438-1047-8

© Степаков В., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Литературно-художественное издание

ГРОССМЕЙСТЕРЫ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

Степаков Виктор

ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ: НАРКОМ СМЕРША

Редактор *Е.Ю. Бузев*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.02.2015.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж экз. Заказ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В апреле 1908 года в семье истопника Семена Абакумова родился очередной ребенок.

Крестили младенца в церкви Николы в Хамовниках, где настоятелем был отец Македон, известный в округе своим пристрастием к непомерному возлиянию и куражу. Этим привычкам священник остался верен и на этот раз.

— Сысоем младенца хотите наречь? — мутно взглянул на родителей отец Македон и объявил: — Неблагозвучно. Не буду крестить.

— Да как же ему без крещения. Он, поди, не мамайка, не бусурман какой-нибудь, — заволновалась мать.

— Имя меняйте, либо не буду крестить, — сказал святой отец и даже притопнул ногой.

— Может, Македон? — пришел на помощь ломовой извозчик Федор Гнутов, знакомец семьи и крестный отец мальчика.

— Молчи. Македон — это я, — ответил священнослужитель. — А младенца нарекаю именем Виктор, сиречь — Победитель. И быть посему! — вынес окончательный вердикт и качнулся, едва не опрокинув купель.

Так начиналась жизнь Виктора Семеновича Абакумова, будущего наркома СМЕРШа.

Детство мальчика, проходившее в рабочем квартале, близ Хамовнических казарм, было трудным. Отец из-за беспросветной нужды нередко бывал пьян, ругался и по любому поводу распускал руки. Мать, работавшая прачкой, случалось, тоже выпивала. Витя, предоставленный сам себе, целыми днями бегал со своими сверстниками по Москве, оборванный, грязный и вечно голодный.

Февральская революция 1917 года не внесла в жизнь мальчика заметных изменений. Правда, воображение девятилетнего ребенка поразили толпы москвичей с красными знаменами и бантами, митинги на перекрестках и площадях, где ораторы произносили зажигательные речи, в которых очень часто звучали непонятные слова о крушении монархии, свободе, равенстве и братстве. Витя вместе со всеми кричал «ура» и подкидывал в воздух свою шапку. Находясь под впечатлением от митинговых страстей, он как-то спросил у отца:

— Что теперь будет?

— Да ничего хорошего, — пьяно промычал родитель и рухнул под стол.

Абакумов-старший как в воду глядел: в октябре 1917 года в Петрограде произошла пролетарская революция. Временное правительство было низложено, власть в столице захватили большевики.

25 октября в Москве был создан Военно-революционный комитет (ВРК). В состав ВРК вошли верные ленинцы: Ломов, Смирнов, Усиевич, Муралов, а чуть погодя в него были кооптированы и руководители Красной гвардии — Ведерников и Розенгольц. После этого ВРК немедленно приступил к осуществлению мер по захвату власти. Двум партийным товарищам — Ведерникову и Аросеву — поручалось «предпринять необходимые шаги по занятию телеграфа, телефона и почтамта революционными войсками в целях охраны». Другой большевик, Соловьев, получил мандат с приказом «принять меры к недопущению выпуска буржуазной прессы и занятию типографий буржуазных газет».

Однако московские революционеры встретили сопротивление со стороны созданного 27 октября Комитета общественной безопасности (КОБ) под руководством эсера Руднева и командующего Московским военным округом полковника Рябцева, который опирался на юнкеров Александровского училища и студентов.

В городе начались вооруженные стычки, вскоре перешедшие в ожесточенные уличные бои. Первое время военный успех был на стороне Комитета общественной безопасности. Юнкера и учащаяся молодежь дрались решительно и умело. Тогда как воинские формирования ВРК — красногвардейцы и революционные солдаты — напротив, сражались неохотно и бестолково.

В эти тревожные дни на Хамовническом плацу — огромной площади между казармами и лежащими напротив них же конюшнями и разными службами — шел нескончаемый митинг. Агитаторы из Хамовнического ревкома призывали солдат 193-го пехотного запасного полка, квартировавших в казармах, выступить на защиту революции.

— Товарищи, наши враги в смертельной схватке хотят задавить опору народной революции — Военно-революционный комитет, — стоя на перевернутом ящике, охрипшим голосом взывал к солдатской массе очередной ревкомовец. — Они хотят отнять у народа землю, которая после петроградского переворота навсегда потеряна ими. К оружию товарищи! Будем биться, как свободные граждане! Нас можно убить, но нас не заставят опять пойти в рабство и осудить на рабство наших детей и внуков. Вперед, товарищи, опрокинем врага своим революционным напором!

Солдаты слушали агитатора, дымили самокрутками, но опрокидывать врага явно не спешили. Из толпы, под одобрительный гул, раздались выкрики:

— Гладко стелешь!

— Сам воюй, чем языком-то молоты!

— Товарищи, будьте сознательными! — хрипел ревкомовец, но его слова заглушали гогот, свист и матюки.

Недалеко от митингующих красногвардеец с туго забинтованной рукой рассказывал любопытным о недавнем бое:

— Вышли мы, значит, на Zubовский бульвар, идем, а тут юнкера и эти патлатые, со стекляшками на мордах, скубен-

ты, что ли, как по нам из винтовок дадут, как дадут! Наши — кто пал, кто бежать. Они следом, да быстро так. Кого догонят, так штыком или прикладом — крик! — готовец. Ваське Загнеткину, дружку моему, прикладом все мозги из башки вышибли, а мне вот руку насквозь штыком пропороли, насилу убег. Да, наклали нам по шеям, будьте-нате, как наклали...

Целыми днями Витя Абакумов вместе со своими сверстниками пропадал на Замовническом плацу. Происходящие события мальчишек ничуть не пугали. Им было невероятно интересно. Еще бы, ведь они своими глазами видели настоящую войну!

Между тем 29—30 октября к московским большевикам прибыло значительное подкрепление. Из Иваново-Вознесенска — отряд красногвардейцев под командованием Михаила Фрунзе, а из Петрограда — 500 балтийских матросов, направленных по личному распоряжению Ленина.

Бои в центре города вспыхнули с удвоенной силой. 31 октября из Замоскворечья большевики начали артиллерийский обстрел Кремля и городских зданий, в которых закрепился противник.

С Хамовнического плаца вела огонь батарея тяжелых гаубиц.

— Батарея! Прицел... Трубка... Огонь! — командовал артиллерийский командир.

Орудия оглушительно рывкали и распахивали станинами землю, посылая снаряды по цели. Через мгновения до плаца доносились звуки тупых, тяжелых ударов, приглушенные расстоянием. Артиллерийские наблюдатели, расположившиеся на крыше казарм, кричали сверху о результатах стрельбы:

— Есть попадание! Крой дальше!

— Это мы с удовольствием. Это мы всегда можем! — отвечала, суетясь возле гаубиц, орудейная прислуга, состоящая из кронштадтских братишек.

— Батарея! Прицел... Трубка... Огонь!

В короткие минуты затишья матросов со всех сторон обступал народ. Завязывалась оживленная беседа.

— Товарищ, как там в Петрограде?

— В Питере порядок, наша взяла, гадам — амба. Это вы тут со своими мандалаями волынку развели, справиться не можете, — отвечал веселый братишка в распахнутом бушлате.

— А Ленина, Ленина ты видел? Какой он из себя будет?

— Ленин-то, — задумался матрос и продолжал, не моргнув глазом, — он, товарищ, роста невеликого, но голова. Голова, как котел, во-о такая. Это чтобы за бедных и босых лучше думать. Очень крепко он нас, моряков, уважает. Люблю, говорит, вас, чертей полосатых, больше жизни. А вот буржуев не любит, так не любит, аж зубами скрипит. Этих, говорит, живьем есть буду.

— Да, дела, — удивлялся народ.

Вместе со всеми слушал рассказчика и Витя Абакумов, с ужасом представляя себе маленького человечка с большой головой, огромными зубами рвущего богатея.

4 ноября сопротивление отрядов Комитета общественной безопасности было сломлено. Большевики заняли Кремль, сильно пострадавший в ходе четырехдневной бомбардировки. По всему городу был расклеен манифест победителей:

«Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизонов. Под грохот мировой войны в столице России центральная власть перешла в руки Всероссийского съезда Советов. Это — власть самого народа: рабочих, солдат и крестьян. Это — власть мира и свободы. Это — власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам...

Впервые и человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу.

Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции».

— Вот жизнь пришла, как фон-бароны ныне заживем, — оценил в семейном кругу истопник Абакумов установление Советской власти. — Они, большевики-то, слышь, чего обещают. Землю, мол, отдадим крестьянам, рабочим — фабрики и заводы. А мне что? Топку! Эх, мать ващу, все, с завтрашнего дня моя топка, и точка!

Но в этом случае Абакумов-старший жестоко просчитался. Жить стало еще бедней, голодней и беспросветней. Не сбылась мечта и о топке. На его справедливое требование комендант советского учреждения, появившегося в здании, где трудился истопник, ответил обидными словами:

— Несознательный ты элемент, Абакумов. Серая порция, одно слово. Ты свои частнособственнические замашки брось и контрреволюцию мне тут не разводи, а то мигом в чеку загремишь.

В новом, 1918 году, в стране разгорелось пламя гражданской войны. В эти дни Москва являла собой фантастическое, порою жуткое зрелище. Знаменитый писатель Иван Бунин по горячим следам оставил зарисовки повседневной жизни в большевистской столице:

«Ходили на Лубянку. Местами “митинги”. Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежевыбритым лицом в пудре и с золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злобно возражает курносый господин с выпуклыми глазами. Женщины горячо и невпопад вмешиваются, перебивают спор (принципиальный, по выражению рыжего) частностями, торопливыми рассказами из своей личной жизни, должныствующими доказать, что творится черт знает что. Несколько солдат, видимо, ничего не понимают, но, как всегда, в чем-

то (вернее, во всем) сомневаются, подозрительно покачивают головами.

Подошел мужик, старик с бледными вздутыми щеками и седой бородой клином, которую он, подойдя, любопытно всунул в толпу, воткнул между рукавов двух каких-то все время молчавших, только слушавших господ: стал внимательно слушать, но тоже, видимо, ничего не понимая, ничему и никому не веря. Подошли высокий синеглазый рабочий и еще два солдата с подсолнухами в кулаках. Солдаты оба коротконоги, жуют и смотрят недоверчиво и мрачно. На лице рабочего играет злая и веселая улыбка, пренебрежение, стал возле толпы боком, делая вид, что он приостановился только на минутку, для забавы: мол, я ранее знаю, что все говорят чепуху.

Дама поспешно жалуется, что она теперь без куса хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустили, так как их нечем кормить.

Кому же от большевиков стало лучше? Всем синю хуже и первым делом нам же, народу!

Перебивая ее, наивно вмешалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вот-вот немцы придут, и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

— Раньше, чем немцы, придут, мы вас всех перережем, — холодно сказал рабочий и пошел прочь.

Солдаты подтвердили: “Вот это верно!” — и тоже отошли...

На Петровке монахи колют лед. Прохожие торжествуют, злорадствуют:

— Ага! Выгнали! Теперь, брат, заставят! ...

На Страстной наклеивают афишу о бенефисе Яворской. Толстая розово-рыжая баба, злая и нахальная, сказала:

— Ишь, расклеивают! А кто будет стены мыть? А буржуи будут ходить по театрам! Им запретить надо ходить по театрам. Мы вот не ходим. Все немцами пугают — придут, придут, а вот чтой-то не приходят!

По Тверской идет дама в пенсне, в солдатской бараньей шапке, в рыжей плюшевой жакетке, в изорванной юбке и в совершенно ужасных калошах.

В трамвае ад, тучи солдат с мешками — бегут из Москвы, боясь, что их пошлют защищать Петербург от немцев.

Все уверены, что захват России немцами уже начался. Говорит об этом и народ: "Ну, вот немец придет, наведет порядок".

Как всегда, страшное количество народа возле кинематографов, жадно рассматривают афиши. По вечерам кинематографы просто ломаются от народа. И так всю зиму.

У Никитских Ворот извозчик столкнулся с автомобилем, помял ему крыло. Извозчик, рыжебородый великан, совершенно растерялся:

— Простите, ради Бога, в ноги поклонюсь!

Шофер, рябой, землистый, строг, но милостив:

— Зачем в ноги? Ты такой же рабочий человек, как и я. Только в другой раз смотри, не попадайся мне!

Чувствует себя начальством, и недаром. Новые господа...

В магазине Белова молодой солдат с пьяной сытой мордой предлагал пятьдесят пудов сливочного масла и громко говорил:

— Нам теперь стесняться нечего. Вон наш теперешний главнокомандующий Муралов ¹ такой же солдат, как и я, а на днях пропил двадцать тысяч царскими.

Двадцать тысяч! Вероятно, восторженное создание хамской фантазии. Хотя черт его знает, — может, и правда...

Встретил на Поварской мальчишку-солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал:

— Деспот, сукин сын!...

Вечером в Большом театре. Улицы, как всегда теперь, во тьме, но на площади перед театром несколько фонарей, от которых еще гуще мрак неба. Фасад театра темен, погребально-печален, карет, автомобилей, как прежде, перед ним уже нет. Внутри пусто, заняты только некоторые ложи. Еврей, с коричневой лысиной, с седой подстриженной на щеках бородой и в золотых очках, все трепал по заду свою дочку, садившуюся на барьер девочку в синем платье, похожую на черного барана. Сказали, что это какой-то «эmissар».

Когда вышли из театра, между колонн черно-синее небо, два-три туманно-голубых пятна звезд и резко дует холодом. Ехать жутко. Никитская без огней, могильно-темна, черные дома высятся в темно-зеленом небе, кажутся очень велики. Выделяются как-то по-новому. Прохожих почти нет, а кто идет, так почти бегом.

На углу Поварской и Мерзляковского два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то и другое...

Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка — и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

— Вставай, поднимайся рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма "Cave furem" ("Осторожно: вор"). На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно».

Вот в такой атмосфере, где вседозволенность, ярость и испепеляющая ненависть классов стали смыслом существования расколотого на два лагеря российского общества, проходило детство Вити Абакумова. Однако политика мальчика сильно не интересовала, хотя одно он знал твердо: буржуи и белогвардейцы — злейшие враги рабочего класса. Неоднократно Витя вместе со сверстника-

ми отправлялись в центр Москвы, где камнями и палками забрасывали прохожих, внешним видом смахивающих на буржуев. Кстати, находясь в эмиграции, известный ученый-музыковед Михаил Боржомский вспоминал, как однажды на Лубянке его закидала камнями компания малолетних оборванцев. При этом профессор особо отметил, что когда один из камней попал ему в голову, несколько взрослых пролетариев приветствовали удачное попадание злорадными криками: «Правильно, огольцы! Так его, черта очкастого!». Словом, вполне возможно, что гулю на профессорской голове набил камень, запущенный меткой рукой будущего наркома СМЕРШа...

Между тем гражданская война шла своим чередом. Образовывались, вскипая ожесточенными сражениями, и исчезали обширные фронты — Северный, Восточный, Южный, Польский². В тяжелых боях Красная армия превращалась в силу, громившую войска Юденича, Колчака, Деникина, Врангеля³.

В 1921 году Вите Абакумову исполнилось тринадцать лет. Однако выглядел он гораздо старше, был высок и не по годам силен. Без труда мог избить любого ровесника или даже взрослого парня. Учился мальчик в городском начальном (низшем) училище и, вероятно, после его окончания пополнил бы армию российских пролетариев, но вмешался случай.

Однажды к Абакумовым заглянул знакомец Федор Гнутов.

Был он в хорошей тужурке, галифе, крепких солдатских ботинках и со своим угощением: парой селедок и бутылкой очищенной водки.

— Ишь ты, кучеряво живешь, — удивился Абакумов-старший.

— А то как же, — самодовольно ответил гость, — нам теперь по-иному никак не возможно.

В ходе застолья выяснилось, что Федор Гнутов служит в частях особого назначения, где числится на хорошем счету.

— Ишь ты, ловко устроился, — вновь удивился Семен Абакумов.

— Происхождение помогло. Туда ведь кого ни попадя не возьмут. А я как потомственный пролетарий, мозолистая рука, по всем статьям подошел. Опять же, политически грамотен и контру всякую за версту сердцем чую, — бахвалился захмелевший Гнутов.

Пришедший с улицы Витя вызвал у него бурю восторга.

— А, крестник явился! Ты гляди, как вымахал, — зашумел крестный отец.

— Вымахал в дылду, а толку что, — недовольно буркнул отец родной. — Шел бы вон на завод в подмастерья, так нет, учится он, штаны протирает...

— Зачем ему на завод, — сказал Федор Гнутов. — Пускай лучше к нам идет, в чоновцы.

— Ага, чтобы убили, — заволновалась мать и дернула стопку.

— Так уж и убьют... Наоборот, ботинки, паек выдадут, и будем мы вместе с ним контру душить, — усмехнулся знакомец, поднимая свой стакан.

— Вот это дело! Дуй, Витька, в чоновцы, — загорелся предложением Абакумов-старший.

— А я что, я согласный, — ответил Витя.

В ноябре 1921 года Виктор Абакумов бросил учебу в городском училище и пошел служить санитаром во 2-ю Московскую бригаду частей особого назначения (ЧОН).

В санитарной роте встретили его хорошо. В пустой казарме сидел скучающий дневальный и от скуки тренькал на балалайке:

Ехали китайцы, потеряли я....

Девки думали — малина.

Откусили половину.

Заметив мальчика, отложил в сторону музыкальный инструмент и позвал:

— Эй, ходи сюда. Кто таков?

— Абакумов Виктор. Буду у вас служить.

— Это о тебе Федька Гнутов хлопотал, — сказал боец и, услышав утвердительный ответ, продолжил: — Значит, вместе служить будем. Вот, держи «краба», — протянул огромную клешню, — познакомимся: Бесфамильный Иван. А чем занимаемся, знаешь?

Так началась служба Виктора Абакумова в частях особого назначения.

Стоит напомнить, что 23 апреля 1919 года в центральной печати было опубликовано решение ЦК РКП(б), в котором указывалось о необходимости принятия срочных мер по «мобилизации всех сил партии для защиты революции и ее завоеваний».

В соответствии с этим решением при заводских партийных ячейках, райкомах, горкомах, укомах и губкомах партии началось формирование частей особого назначения (ЧОН). Вначале части формировались из членов и кандидатов партии, сочувствующих рабочих, членов профсоюзов, а затем и из лучших комсомольцев. Первые ЧОН возникли в Петрограде и Москве, позже в губерниях РСФСР (к сентябрю 1919 года такие части были созданы в 33 губерниях), на Украине, в Белоруссии, Казахстане, республиках Средней Азии и Закавказья.

ЧОН принимали участие в боевых действиях против белогвардейцев вместе с частями Красной армии. Многие чоновцы по поручению партийных организаций оставались в захваченных противником районах для подпольной работы и организации партизанского движения. Однако главным образом ЧОН использовались для охраны важных объектов, подавления контрреволюционных выступлений, участия в операциях войск Всероссийской чрез-

вычайной комиссии (ВЧК) и войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

24 марта 1921 года ЦК РКП(б) на основании решения X съезда партии принял постановление о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной армии. Личный состав ЧОН был разделен на кадровый и милиционный (переменный). Военное обучение чоновцев стало проходить в системе военно-учебных заведений и курсов РККА. ЦК РКП(б) писал в одном из специальных циркуляров:

«Борьба с контрреволюцией, требующая от нас большого внимания и военного напряжения, продолжается. На окраинах развивается бандитизм; только что подавлено затянувшееся восстание в Тамбовской губернии...

Голод, охвативший огромную территорию страны, создает благоприятную почву для усиления контрреволюции. Зарубежные контрреволюционеры делают все, чтобы использовать голод для организации крестьянских и рабочих выступлений. Вместе с тем мы вынуждены провести значительное сокращение армии. Все это выдвигает перед нашей партией задачу особой партийной и государственной важности — задачу неотложно и энергично поднять боевую мощь частей особого назначения».

В сентябре 1921 года были учреждены командование и штаб ЧОН (командующий — А. К. Александров, начальник штаба — В. А. Кангелари). Для политического руководства был образован Совет ЧОН при ЦК РКП(б) во главе с секретарем ЦК В. В. Куйбышевым и заместителем председателя ВЧК И. С. Уншлихтом. В губерниях и уездах появилось командование и штабы ЧОН, Советы ЧОН при губкомах и укомах партии, состоящие из секретарей партийных и комсомольских комитетов, представителей Красной армии, внутренних войск и ЧК. К концу года в ЧОН числились 39 673 человека кадрового состава и 323 372 человека — милицейского. В состав ЧОН входили стрелковые и кавалерийские, артиллерийские и бронечасты.